

Федотов Г.П. Что такое социализм?

Социальная проблема в XIX веке поставлена социализмом. Было время, когда социализм представлял понятие определенное. Предмет ужаса и отвращения для одних, религиозной преданности и веры для других, он сохранял устойчивое содержание. Его движущим мотивом было отрицание капиталистической эксплуатации во имя социального равенства. Его экономической формулой — для огромного большинства его течений — была национализация или обобществление: иначе, отмена частной собственности на средства производства. Но уже в конце XIX века это определение едва ли приложимо к реформистским течениям социализма. Можно сказать лишь, что оно сохранило и для них регулятивный, идеальный смысл. Для нашего времени это определение никуда не годится. В сущности, лишь коммунизм остается верным ему. Вот почему так трудно каждому ответить по совести на вопрос: социалист ли я? Оказывается возможным для иных социальных мыслителей говорить о совершившейся гибели социализма (в смысле указанного определения). Но эта гибель доктринального социализма есть творческая гибель. Если социализм умирает, то сама жизнь социализируется. Доктрина изменяется именно потому, что торжествует практика. Это торжество, впрочем, — нерадостное торжество. В кровавом борении, в мучительных судорогах человечество рождается к новой жизни. Муки родов так похожи на агонию смерти. И смерть, действительно, стоит у дверей, чтобы войти, если творческие силы жизни ослабеют в борьбе с началами разложения. Наше поколение не знает, и до конца не узнает, живем ли мы в начале социалистической эры или в конце цивилизации — второй европейской, первой мировой цивилизации.

Социализм в XIX веке пережил три стадии: утопическую, революционную, реформистскую. Из них, как это ни странно, наиболее тяжкое поражение претерпел недавно победоносный реформизм. Революционный социализм, разбитый теоретически, торжествует в России. — Большевизм это реакция марксизма 40-х годов. — В Европе глубокий кризис

революционизирует массы и заставляет многих смотреть с надеждой на красную Москву. В случае длительного разложения капиталистического общества победа революционных сил весьма вероятна. Но реформизм, сильный числом, организованностью, воспитанностью своих кадров, оказывается несоответствующим революционной ситуации. В течение десятилетий он приспособлялся к цветущему капитализму, внедряя в него рабочую демократию, борясь за повышение ее уровня жизни внутри данной экономической среды. Не ломая себя голову над проблемой коренного преобразования общества, он оказался застигнутым врасплох катастрофой. Крах капитализма наступил слишком неожиданно для социалистов, и они встречают его безоружными. Не старому реформизму справиться с революционным социализмом (коммунизмом) нашего времени. На это может надеяться только социализм конструктивный, ставящий, подобно ему, своей задачей глубокое, коренное преобразование общества. Его путь лежит не через разрушение буржуазного мира, а через возвращение, развитие и оформление тех ростков новой жизни, которые уже пробиваются в старой. В час своей реализации, социализм распадается на ряд частных проблем, ранее исчезавших в неопределенности интегрального символа. Каждая из этих проблем в отдельности уже поставлена, уже частично решается в капиталистическом обществе. Решение любой из них еще не содержит ничего в строгом и точном смысле социалистического. В своей совокупности, однако, они создают общество совершенно нового типа, еще небывалого в истории мира, за которым можно оставить имя социалистического, при всей многозначности своей освященное традицией рабочего движения и пафосом нравственной идеи.

Обращаемся к рассмотрению этих частных проблем социализма.

1. Рациональная организация хозяйства

Начало рационализации, т. е. расчетливого, планового построения хозяйства, свойственно капитализму с его зарождения. Зомбарт усматривал в рационализме самую душу этой экономической системы. Но, с отмены

меркантилистской экономики и до последних десятилетий XIX века, рационализация ограничивалась пределами индивидуального хозяйства. На рынках, как национальных, так и международных, господствовала стихия конкуренции. Однако вот уже несколько десятилетий, как принцип *laissezfaire* сделался экономически невозможным, и капитализм стал на путь организации. Мощное движение трестирования и картеллирования, охватившее ведущие страны (Америку и Германию), указывает на новые экономические тенденции. В настоящее время наивным анахронизмом было бы отождествление капитализма с режимом личного хозяйства, построенного на свободе. Личное начало торжествует еще в немногих организаторах, «королях» или «капитанах» индустрии: для большинства предпринимателей свобода хозяйствования в значительной мере уже утрачена. Все растущая зависимость индустрии от финансового капитала (банков) превращает ее уже окончательно в безличный объект действия посторонних ей и равнодушных к ее целям денежных — зачастую тоже безличных — сил. Но это спонтанное движение к самоорганизации капитализма, не завершенное, лишь обостряет экономические конфликты — уже не между отдельными предпринимателями, а между могущественными корпорациями. Быстрое сужение и исчезновение не капиталистических рынков (колоний) делает борьбу гигантов ожесточенной — и безнадежной. Капитализм стоит перед задачей — не доктринерски, а жизненно поставленной в его собственных недрах — задачей завершения организационного процесса.

Неслыханный по размерам и длительный мировой кризис «перепроизводства» и безработицы делает задачу реконструкции неотложной. Она совершается, или должна совершаться, — не во имя справедливости, а во имя существования. Буржуазные и социалистические экономисты почти все сходятся в признании «планового» начала в хозяйстве.

Два основных вопроса, чрезвычайно трудных практически, но теоретически вполне ясных, вытекают из этого признания.

1. Кто будет планировать, регулировать или организовывать хозяйство?

2. В каких пределах личное начало в хозяйстве сохраняется новой экономической организацией?

Первый вопрос — о субъекте хозяйственной организации, второй — о ее границах.

На первый вопрос жизнь выдвигает четыре проекта решений:

1. Международный капитал.
2. Революционный пролетариат.
3. Национальное государство.
4. Международное объединение государств.

Теоретически мыслимо, в результате борьбы капиталистических картелей и банковских групп, их мировое объединение, которое диктует свою волю всем государствам и классам. В дальнейшем эта эволюция, продолженная по прямой линии, могла бы привести к единому мировому рабовладельческому хозяйству, с превращением всего трудового населения в бесправных подданных своих неограниченных владык. Эта зловещая утопия навыворот мелькала в социальных романах Уэльса. В эпоху могущества индустриальных королей она могла импонировать людям, одаренным фантазией. Ныне, пред лицом кризиса, капитализм обнаружил удивительную слабость и отсутствие воли к власти. Международная акция бирж и банков не вышла из совершенно элементарных попыток. В сущности, современный капитал, в состоянии растерянности и пессимизма, сам ищет спасения в государственном вмешательстве, отказываясь, ради обеспечения, от призрачной своей свободы.

Революционный пролетариат, т. е. коммунистическая партия, организует хозяйство в России, и готов взяться за это дело в мировом масштабе. Отвлекаясь от особо inferнальных форм русского опыта, что можно возразить против его перенесения в мировой план? Говоря кратко: в лице революционных вождей за дело хозяйственной организации берутся люди, чуждые хозяйственному процессу, органически неспособные понять его природу и движимые, по существу, не экономическим мотивом, а классовой ненавистью. Отсюда разрушительные последствия их

хозяйствования необычайно глубоки, а конструктивные достижения ничтожны. Социальный террор и падение производительности — неизменные последствия социальной революции. Однако, мы уже знаем, что социальная революция не утопия, а грозная возможность. Это постоянное *memento* для современного общества, неотступно напоминающее ему о срочности социальной реорганизации. *Fata nolentem trahunt*.

Действительный спор возможен лишь между национальным и интернациональным государственным субъектом организации. В этом споре все реальные преимущества на стороне национального государства. Оно существует, оно сильнее, чем когда-либо, оно само берется за экономические функции. Италия и Германия, в разных формах, идут по этому пути. Международная организация еще не создана, и усилия благородных идеалистов и практических политиков к ее созданию разбиваются «жизнью», т. е. стихией национальных страстей. Однако, национальное решение социальной проблемы, окружая государства замкнутыми стенами запретительных тарифов, суживая донельзя международный обмен, во много раз усиливает опасность войны. Решение оказывается мнимым. Война срывает все результаты организационной работы, ввергая мир в хаос, из которого один исход: пролетарская революция. Здесь экономическая проблематика показывает свою ограниченность. При всем могуществе экономических сил в наш «материалистический» век, они оказываются подчиненными силам политическим: интересы страстям, классовые ненависти национальным. Вот почему ключ к решению социальной проблемы нашего времени — в ограничении национального суверенитета. Какая-то комбинация национального государственного капитализма и постепенно строяемого мирового хозяйственного плана дает решение современному и будущему кризисам и позволяет безбоязненно развивать производительные силы народов, не обрекая их на голод от изобилия, на безработицу от роста производства.

Второй вопрос — о границах организации, т. е. о сохранении личного

начала, — решается только опытом, и, как можно предвидеть, не однозначно для разных стран и разных хозяйственных отраслей. Здесь, как в артиллерийском прицеле: перелет, недолет, попадание в цель. Перелет — это сплошная национализация или, вообще, социализация хозяйства. Не только большевистская Россия, но и послевоенная Германия богаты отрицательным опытом национализации. Это отвод «интегрального» социализма в смысле XIX века. Личное начало в хозяйстве должно быть сохранено, но ограничено. Собственность приобретает функциональный характер — сочетания личных прав и общественных обязанностей. Благодаря созданию новой науки «рационализации», наряду со старой технологией, не только техническая, но и административная сторона предприятия могут отделяться от хозяйствующего субъекта. Вопрос о рынках решается в высших корпоративно-государственных инстанциях. Следовательно, на долю хозяйствующего владельца остается приспособление самостоятельной технической единицы к общественному заданию. Поскольку здесь остается место для творчества, остается и хозяин. Всецело сохраняется его роль в создании новых предприятий и новых хозяйственных форм.

Все эти проблемы, не имеющие ничего общего с утопиями прошлого века, уже решаются экономистами и практиками Европы. Им посвящена огромная научная литература. Главное препятствие для практических опытов и удовлетворительной их постановки — не в экономике, а в политике послевоенной Европы. Полное или частичное проведение их создает строй, который называется государственным или «связанным» капитализмом.

2. Социальное обеспечение

Идеей рационализации хозяйства жил главным образом марксистский социализм, идеей социального обеспечения — социализм гуманитарный и христианский. К сожалению, христианский социализм до последнего времени жил исключительно этой идеей, забывая об организационных и культурных элементах социальной проблемы. В ней заложена вечная, непререкаемая правда, неотделимая от христианства. Величайший грех — не накормить голодного, и, если существует социальный грех, — а с точки зрения социального реализма нельзя этого оспаривать, — то и общество в целом

обязано накормить своих голодных членов. Для современного нравственного сознания смерть человека от голода ощущается, как преступление. Можно было бы вотировать закон, наказывающий полицейского комиссара, в районе которого это общественное преступление имело место. Это не имеет ничего общего с утопией. Несколько лет тому назад могло казаться, что эта задача — по крайней мере, в одной стране Европы — почти решена. При государственном страховании от старости, безработицы и широких мерах социального обеспечения, Англия, некогда классическая страна пауперизма, почти уже не знала настоящей нищеты. Проблема, над которой мучилось христианское человечество почти два тысячелетия, которая объявлялась неразрешимой, проблема голода и пауперизма — казалось, разрешена в пределах капиталистического строя.

Современный кризис разрушил эти оптимистические ожидания. При тридцати миллионах безработных в мире их обеспечение становится невозможным или весьма трудным. Это обеспечение хронических безработных стало для Англии серьезной угрозой, подорвало ее финансовые силы и обострило ее общий кризис. Но то, что невозможно при анархическом капитализме, вполне достижимо при «связанном». Прекращение безработицы — результат планового хозяйства — уничтожает главный источник нищеты. С остальными может справиться современная социальная техника, достигшая уже высокого совершенства (социальная помощь в Америке).

Проблематика связана здесь лишь с вопросом о пределах обеспечения. Легкость даровой жизни, вполне возможная при современном накоплении ценностей, может развращать людей и отбивать охоту к труду. Нечто подобное уже наблюдали в Англии. Социальная помощь должна носить преимущественно трудовой характер и там, где общество встречается с порочной или злой волей, ограничиваться минимумом. Но подобно тому, как смертная казнь недопустима для современной совести, так же безнравственна и угроза голодной смертью, как средство трудового воспитания. Конечно, социальное обеспечение понижает энергию борьбы за жизнь. Но наше

общество не страдает от недостатка этой энергии. Понижение корыстных мотивов к труду не угрожает техническому строю, страдающему от избытка человеческого труда. Опасности социального обеспечения должны парироваться социальным воспитанием.

3. Социальная демократия

Национально организованное хозяйственное общество, обеспечивающее от нищеты своих членов — это еще не социализм. Можно представить себе его даже в рамках очень сурового классового строя: могущественная капиталистическая каста, полновластно распоряжающаяся судьбой бесправного пролетариата. Это, конечно, голая возможность. Линии жизни пока ведут в другую сторону. Где различие между государственным капитализмом и государственным социализмом? В эпоху Нэпа в Советской России много спорили, какое из двух определений соответствует действительности. Трудность ответа заключается в том, что граница проходит не по чисто экономическим признакам. Это граница социальная. Мы обозначаем ее несколько неопределенным термином «социальной демократии». В соединении с плановостью хозяйства социальная демократия и образует реальное содержание социализма — за вычетом его утопических мотивов. Другое имя ему — трудовое общество.

Трудовым общество становится тогда, когда трудящиеся классы — работники в широком смысле слова — приобретают в нем господствующее положение. Лишь одной из предпосылок его является перераспределение общественного дохода: повышение заработной платы и понижение (абсолютное и относительное) прибыли. В хозяйстве, работающем на неопределенный рынок, конкуренция отсталых стран кладет предел повышению заработной платы. В замкнутом — народном или мировом — хозяйстве повышение доли работника в общественном доходе ограничено лишь ростом производительных сил. Но повышение его доли означает

снижение прибыли. Фискальная политика государства с другого конца обрезывает накопление чудовищных состояний и содействует образованию нового социального единства. Экономическое равенство не является целью ни социализма, ни политики трудовых классов. Но сближение социальных полюсов до возможности некоего общего бытового стиля — необходимая предпосылка трудовой демократии.

Однако главная революция происходит в общественном сознании. Ее смысл в том, что труд становится мерилom социальных ценностей и ложится в основу социальной иерархии. Если в феодальном и патриархальном обществе аристократия основывала свое право на землевладении (и военной доблести), в капиталистическом — на денежной собственности (и таланте), то в рабочем создается аристократия, основанная на труде (и творчестве). Одна и та же ценность — например, художественное творчество — в современном обществе котируется, как капитал, приносящий проценты (вроде нефтяных месторождений), в трудовом — как творческая работа. Сейчас заработная плата рассматривается, как товарная цена за продажу рабочей силы. В будущем, возможно, сама прибыль будет оцениваться, как форма трудового вознаграждения за руководство хозяйственной организацией.

Социальная демократия начинается в трудовом процессе — и начинается уже в наши дни. Рабочий коллектив принимает на себя все возрастающую долю ответственности за управление и организацию фабрики. Администрация становится конституционной, ограниченной, уже теперь, вмешательством рабочих союзов. Рядом с конституционными ячейками частных и государственных или муниципальных предприятий возможно развитие чисто республиканских — т. е. кооперативных. В рациональной конкуренции будет испытана хозяйственная пригодность личных, коллективных и государственных форм организации. Но права трудящихся, в смысле известного самоуправления заводского мира, его права на самодисциплину — сохраняются везде. Где этого нет, там не может быть социальной демократии. В коммунизме уничтожена демократия не только

политическая, но и социальная.

Где завершение производственной демократии? Здесь мы вступаем в область гаданий, предчувствий — и утопий. Можно представить себе, по аналогии с политической демократией, экономическое общество, построенное снизу вверх, из сочетания автономных кооперативных объединений. Частное предпринимательство мыслится окончательно вымершим, но групповое отчасти занимает его место. В теориях, родственных прудонизму, который переживает в настоящее время некоторое, пока еще довольно скромное, возрождение, государство по возможности элиминируется из трудового процесса. Тем самым устраняется опасность экономического деспотизма государства, всегда связанная с государственным социализмом. Перед единственным хозяином — государством личность трудящегося беззащитнее, чем перед частным предпринимателем. Но уничтожение хозяйствующего государства не развязывает ли вновь частную стихию, не возвращает ли нас обратно в мир экономической анархии? Если капиталисты или частные компании будут заменены производительными кооперациями, обладающими той же хозяйственной свободой, это не подвинет ли на шаг хозяйственную организацию мира. Борьба кооперативов не менее страшна, чем борьба личных предпринимателей.

Очевидно, единство мирового (или национального) хозяйства должно быть совершенно незыблемым прежде, чем можно будет подумать о его децентрализации. Политическая децентрализация современных демократий стала возможна лишь на почве крепкого централизма, выработанного абсолютизмом. Между средневековым и современным парламентом не даром лежит век Тюдоров. Современные политические самоуправления возможны лишь внутри бесспорного государственного суверенитета. Так, думается, должен быть прочно обеспечен и хозяйственный суверенитет, чтобы сделать возможной внутри него автономию свободных производительных ассоциаций. Это кладет предел социальной демократии для нашей эпохи. Во всяком случае, здесь поставлена экономическая проблема более или менее далекого будущего.

Но уже сейчас социальная демократия сталкивается с политической в различном понимании гражданства и связанном с этим построении государства. Трудовой процесс, особенно современный, соединяет трудящихся в могущественные корпорации. Лишь в них личность работника преодолевает свою социальную немощь и обретает сознание своего социального достоинства. Лишь через них пока она активно влияет на госу-

дарство и преобразуемый им социальный строй. Политические партии со своими традициями, укоренившимся консерватизмом борьбы, слишком далеки от производственного процесса, и в эпоху, когда производственный проблемы заслоняют все поле зрения, должны уступить место профессиональным организациям в руководстве социальным преобразованием. Профессиональные экономические связи в такую эпоху оказываются для рабочего сильнее территориальных — его избирательные округа — и политических — его партии. Все это объясняет рост корпоративной идеи в государственном праве нашего времени. По-видимому, социальная демократия осуществит себя в государстве в формах синдикализма. Но остается вопросом, сохранятся ли, наряду с синдикальным строем, остатки старого политического государства — двойственность парламента — или нет. В первом случае мы получаем сложную социальную структуру, напоминающую Флоренцию на рубеже XIV века. Сложность не есть противопоказание. Ограничимся указанием проблемы для будущего.

Корпоративное общество, разумеется, столь же далеко от совершенного равновесия, как и общество политическое. Лишь деспотия обеспечивает надолго (иногда на тысячелетия) социальное равновесие. Упрек в гармонизации, может быть, одно из самых сильных обвинений, какие могут быть выдвинуты против общественного строя. Гармонизация означает застой и медленный декаданс, ибо жизнь движется противоречиями. Противоречия интересов между профессиональными корпорациями являются движущим элементом внутри корпоративного общества. Борьба классов и партий современного мира продолжается в социалистическом — борьбой профессий. Рабочему сознанию совершенно чуждо понятие о профессиональном равенстве. Даже в коммунистической России аристократическое первородство металлиста перед текстильщиком никем не оспаривается. Целые профессии будут подниматься вверх, и падать, вместе с колебанием их социальной значимости и сдвигами в духовной иерархии ценностей.

Материальное равенство не может быть целью трудовой демократии — ни между профессиями, ни, тем более, внутри

их. Каждый мастер стремится к совершенству и требует вознаграждения, соответствующего труду и качеству труда. Часовая, поденная плата годится для пролетария или чиновника, ненавидящего свой труд. Квалификация труда есть основа социальной иерархии. Начало равенства признается, как равенство старта, т.-е. равенство начальных возможностей. В конце концов, существенное в нем — общность воспитания. Но неравенство, справедливое в известных границах, перерастая их, разрушает социальное общение. Оно не должно приводить к непереходимой черте различного общественного быта. Общий стиль быта является непременным условием общения и строяемого на нем братства. Лишь патриархальное общество удовлетворяло некогда этому требованию. Возвращение к общности быта есть необходимое условие социальной демократии, и вместе с тем возрождения социально-жизненного христианства.

Серьезнейшая проблема социальной демократии — положение работников духовного труда. Какова будет роль и значение интеллигенции: ученых, художников, священников? Весьма серьезна опасность, — и современность, не только в России, не оставляет места оптимизму, — что победоносный физический труд даст волю своему злопамятству и, подобно Толстому в известной сказке, признает мозоли единственным критерием труда. Психологически эта реакция почти неизбежна. Она обещает социальную деградацию интеллигенции и временное помрачение культуры. Мы не можем простить Флорентийской трудовой республике, что Данте принужден был вступить в цех аптекарей, чтобы получить политические права: в республика не было цеха поэтов. Однако сама победа рабочего исцеляет его от классового мракобесия. Современная техника все более требует от рабочего не мускульного а мозгового усилия. Раб машины превращается в ее господина. Мозоли сходят с его рук. Инженер, а не чернорабочий — представляет тип работника в «технологическом процессе» нашего времени. Не интеллигенция поглощается пролетариатом, а пролетариат поглощается интеллигенцией. Таковы технические тенденции культуры. Пролетариат есть обреченное на смерть порождение капиталистического века. Трудовая интеллигенция заменяет его и воскрешает

градации средневековая ремесла-искусства. Равенство общего образования, с другого конца, стирает остатки былого антагонизма работников духовного и мускульная труда.

Однако, все это еще не обещает работникам духовной культуры подобающая им первенства в общественной иерархии. Они не создают материальных ценностей, и, пока производство материальных благ поглощает внимание общества, пока технология является теологией масс, нечего и думать о восстановлении должного духовного строя. Но материальный голод утолен. Безграничная продуктивность современной машины сама по себе обесценивает материальные блага: только редкое ценно. Тогда создаются предпосылки для коренного перерождения всего строя человеческих потребностей и интересов. Повышение фондов бескорыстных ценностей — науки, искусства, религии, — само по себе поднимет уважение к искателям истины, строителям идеальных форм, учителям духовной жизни. Но это вводит уже нас в круг чисто духовных проблем, связанных с трудовым обществом, которые требуют отдельного рассмотрения.

Г. Федотов.